

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-5-47-69

И.В. Лиджиева

ИНСТИТУТ ПРИСТАВСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

I.V. Lidzhieva

THE PRISTAVSTVO IN THE ADMINISTRATIVE SYSTEM OF THE OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация. Результаты внешнеполитической деятельности России на ее южных рубежах позволили центральным властям в первой четверти XIX в. активизировать процесс моделирования управленческой системы в регионе. Предметом предлагаемого исследования является институт приставства в системе управления окраинами Российской империи, учрежденный для введения периферийных, полиэтничных и поликонфессиональных территорий государства в общероссийское социально-экономическое и политико-правовое пространство в указанный период. Являясь переходной формой имперской администрации в инородческой среде, приставство первоначально было призвано обеспечить для центральных властей восполнение информационного вакуума, преодоление языкового барьера и создание общих правил взаимодействия в имперских коммуникациях. В последующем посредством данного института транслировались цели и задачи имперской политики в регионе, которые предусматривали, в том числе, преодоление экономической замкнутости периферийных обществ. В этом многокомпонентном процессе немаловажную роль играла личность имперского чиновника, прежде всего главного пристава. На основе анализа законодательных актов и источников из фондов центрального и региональ-

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону

Lidzhieva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Leading Researcher, Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don

irina-lg@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5699-1021

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственных заданий Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, номер государственной регистрации проекта 122020100347-2.

The publication is prepared as part of the project for realization of the State Objectives of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of RAS, under the state registration number 122020100347-2.

ных архивов в статье восстановлена хронологическая последовательность событий, а также смены самих персон, в разное время занимавших должности главных приставов. Первоначально кандидатуры главных приставов утверждались именными императорскими указами и находились в ведомстве Коллегии иностранных дел, а затем — Министерства внутренних дел. Эти должностные лица подчинялись главноуправляющему на Кавказе, а позже — гражданскому губернатору. Представители разных сословных и даже этнических групп в своем большинстве состояли на военной службе на Северном Кавказе. В заключении автор приходит к выводу, что главные приставы играли посредническую роль, продиктованную не только природой должности, но и условиями, в которых они пребывали. Своей службой они должны были обеспечивать эффективный коммуникативный канал, одновременно и соответствующий принципам политики России в отношении инородческих окраин, и не ущемлявший привилегированное положение местной элиты.

Ключевые слова: система государственного управления, приставство, главный пристав, окраины Российской империи, инородцы, интеграция окраин.

Abstract. The results of Russia's foreign policy activities on its southern borders enabled the central authorities to intensify the process of modeling the administrative system in the region during the first quarter of the 19th century. The subject of the proposed research is the institute of *pristavstvo* in the system of administration of the peripheries of the Russian Empire. This institute was established to introduce the peripheral, multi-ethnic and multi-confessional territories of the state into the all-Russian socio-economic and political-legal space. The *pristavstvo* functioned as a transitional form of imperial administration in the foreign environment. Its initial design was to ensure that the central authorities filled the information vacuum, overcoming the language barrier and creating common rules of interaction in imperial communications. Subsequently, the institution was utilized to communicate the objectives of imperial policy in the region, including the endeavor to overcome the economic isolation of peripheral societies. In this multi-component process, the personality of the imperial official, first and foremost the chief *pristav*, played an instrumental role. The article utilizes a comprehensive analysis of legislative acts and sources from both central and regional archives to meticulously reconstruct the chronological sequence of events, as well as the changes in individuals who held the post of chief *pristav*. Initially, the issuance of chief *pristavs* was conducted through of nominal imperial decrees, and they were attached to the department of the Collegium of Foreign Affairs. Subsequently, however, they came under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. These officials were subordinate to the chief administrator in the Caucasus, and subsequently to the civil governor. Representatives of different class and even ethnic groups were mostly in military service in the North Caucasus. The author concludes that chief *pristavs* played an intermediary role, dictated not only by the nature of their position, but also by the conditions in which they operated. The objective of their service was to establish a reliable communication conduit that would be consistent with Russia's policy towards the foreign outskirts, whilst not compromising the prerogatives of the local elite.

Keywords: system of state administration, *pristavstvo*, chief *pristav*, outskirts of the Russian Empire, foreigners, integration of the outskirts.

* * *

Результаты внешнеполитической деятельности России на южных ее рубежах позволили центральным властям в первой четверти XIX в. активизировать процесс построения управленческой системы в регионе. Основным концептом региональной политики стало полное инкорпорирование подданных в общеимперское пространство. Однако поставленная цель затруднялась рядом факторов, прежде всего — связанных с иноэтничным и иноконфессиональным составом новых подданных, а также отсутствием комплексных знаний и о народах, и о территории их проживания. Кроме того, как утверждают современные исследователи, «колониальные чиновники не готовы были отступить от неких политических и идеологических стереотипов в угоду системе знаний и фактов, с помощью которых можно было ускорить свои имперские реформы»¹. В этих условиях процесс инкорпорации не только затруднялся, но и растягивался на целое столетие. Именно в этот период по-новому происходит взаимное узнавание друг друга, способы и методы которого имели и колониизационный характер, и аккультурационный. При этом основным способом являлось сочетание элементов унитаризма и федерализма, т.е. не допускалось фактическое создание автономий внутри страны, а национальным регионам лишь делегировались полномочия по внутреннему самоуправлению в рамках традиционной системы, формально сохраняющие форму национально-территориальной автономии.

Несмотря на значительный исследовательский интерес к рассматриваемой проблеме, отдельные ее аспекты все еще остаются вне пределов изучения². Целью данной статьи является анализ политики имперских властей на южной окраине Российского государства

¹ *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шарият и производство знаний в Казахской степи. М., 2019. С. 43.

² *Блиева З.М.* Становление российского бюрократического аппарата на Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX вв. Владикавказ, 2001; *Горяев М.С., Команджаев А.Н.* Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2012. № 7 (126). С. 114–124; *Кидирнязов Д.С.* Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII — 20-е г. XIX вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2 (38). С. 18–32; *Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVII — первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21; *Абазов А.Х., Нахушева И.П.* Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века: эволюция деятельности // Научный диалог. 2020. № 8. С. 278–300.

по моделированию управленческой системы на примере института приставства в первой четверти XIX в.

Калмыки Большого Дербета в соответствии с указом Павла I, подписанного 11 августа 1800 г., получили статус самостоятельного субъекта независимого от донцов и напрямую зависящего от императора, с правом избрания себе начальника, по делам имея сношение с коллегией Иностранных дел, а земельные вопросы разрешать с генерал-прокурором³.

Для ведения дел азиатских народов, к коим были причислены калмыки, кабардинцы, трухменцы и ногайцы Астраханской губернии и близлежащих территорий, именным указом Павла I, данным коллегии Иностранных дел 29 августа 1800 г., назначался коллежский советник И.М. Макаров. Снабженный наставлениями он был отправлен к астраханскому военному губернатору, чтобы совместно с ним обсудить вопрос, касающийся его места пребывания. Гражданский губернатор обязывался сообщить Макарову необходимые сведения. В соответствии с этим же указом были определены штат в составе секретаря, переводчика, писца и двух толмачей. Всего, включая жалованье, канцелярские расходы и сумму на пересылку, бюджет составлял 2650 руб., отнесенные на доходы Астраханской губернии⁴.

В практике назначения и отправки приставов к инородческим племенам на юге России в начале XIX столетия особое место заняли инструктивные документы, выдаваемые Коллегией иностранных дел и содержащие точные указания по исправлению должности и отражающие основные концепты имперской политики в регионе. Так, 30 сентября 1800 г. подготовленная для И.М. Макарова инструкция гласила: «... иметь ласковое обхождение и оказывать пристойную учтивость ...»⁵. Кроме того, приставленные к новым подданным имперские чиновники обязаны были достичь консенсуса с местной элитой, так как их «кооптация была важнейшей частью политики властей»⁶. В последующем в каждом именном указе, которым назначались главные приставы при калмыцком и трухмянском народах,

³ Привилегии, данные депутатам калмыцкой орды Большого Дербета // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (ПСЗ-1). Т. XXVI. СПб., 1830. № 19511.

⁴ Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев, и ногайцев и других азиатских народов // ПСЗ-1. Т. XXVI. № 19536. С. 280-282.

⁵ Извлечение из наставления, данного из Государственной коллегии иностранных дел определенному в делах калмык и других азиатских народов, кол. с. Макарову // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее — АКАК) / Под ред. А.Д. Берже. Т. 1. Тифлис, 1866. С. 231.

⁶ Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя 1500–1800. М., 2019. С. 322.

несмотря на его детализированное содержание, предписывалось следующее: «пристойность от вас требует, чтобы вы, каждого владельца известя особенно, приличным образом о прибытии вашем, старались дружески приласкать к себе доверенности»⁷. В сложившихся условиях пристав выступал посредником между имперской администрацией и народом-подданным. Согласно утверждению специалиста в области сравнительных исследований цивилизаций Ш. Эйзенштадта, сотрудничество элит центра и периферии возможно только после создания общеимперской «символики коллективной идентичности»⁸.

19 мая 1802 г. была высочайше утверждена «Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, тухменцах, ногойцах, абазинцах и других народах», согласно которой давалось четкое наставление приставам: «...поведение ваше должны вы располагать таким образом, чтоб оно, приобретая вам личную доверенность тех народов, соответствовало намерению определения вас при них для предохранения их пользы и должного благоустройства»⁹.

14 октября 1800 г. императорскими двумя грамотами восставливался, для осуществления судопроизводства в калмыцком обществе, Совет, именуемый Зарго, учреждался институт наместничества в лице владельца Малого Дербета Чучей тайши Тундутова, определялась территория Калмыкии «от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью простирающиеся»¹⁰, а также предоставлялось право на свободу вероисповедания, с назначением Собин бакши главой калмыцкого духовенства¹¹.

В связи с восстановлением суда Зарго и определения для ведения дел калмыков коллежского советника И.М. Макарова, указом от 19 июня 1801 г. существующее в Астрахани Калмыцкое правление упразднялось, а чиновники распределились по вакантным местам или в ожидании назначения получали половину жалованья¹².

⁷ Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 148. Л. 14.

⁸ *Эйзенштадт Ш.* Структура отношений центра и периферии в имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1998. С. 176–179.

⁹ Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, тухменцах, ногойцах, абазинцах и прочих народах // ПСЗ–1. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20.271. С. 144–146.

¹⁰ О восстановлении на прежнем основании Сета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства калмыков // ПСЗ –1. Т. XXVI. № 19.599. С. 340–341.

¹¹ О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков // ПСЗ –1. Т. XVI. № 19.600. С. 341.

¹² Об уничтожении Калмыцкого Правления в Астрахани // ПСЗ–1. Т. XXI. СПб., 1830. № 19.921. С. 701.

Начало правления императора Александра I кардинально не изменило правовой статус Калмыкии, лишь подтверждались ранее пожалованные права и привилегии, акцентируя внимание на ее подчинении Коллегии иностранных дел¹³. Этим же указом повелевалось назначить главным приставом при всем калмыцком народе служащего советником при Мануфактур-конторе коллежского советника Николая Страхова. Коллегия иностранных дел обязывалась обеспечить вновь назначенного чиновника всеми необходимыми инструкциями и средствами для проезда и обоснования на новом месте, как и ранее было сделано при назначении И.М. Макарова, который был оставлен для продолжения службы при остальных народах. Так данным нормативным актом осуществлялось законодательное оформление должности, фактически введенной в управленческую систему в конце XVIII в.

Именным указом, данным 11 марта 1802 г. Государственному казначейству, определялся штат и содержание чиновников при главном приставе калмыцкого народа¹⁴. Годовое содержание главного чиновника калмыцкого приставства составлял 1200 руб. и «столько же на угощение калмыцких владельцев, духовенства и старшин». Штат состоял из семи приставов, секретаря, переводчика, писца и двух толмачей. Один из приставов определялся к безотлучному пребыванию при наместнике, другие шесть при владельцах, с содержанием 450 и 350 руб. соответственно. Итого, годовое содержание всех чиновников в степи при калмыцком народе составило, включая канцелярские расходы, пересылку, наем помещения для главного пристава и канцелярии, 8500 руб., отпускаемые из доходов Астраханской губернии.

Наставление, данное Коллегией иностранных дел 5 мая 1802 г., состояло из 22 пунктов и включало широкий круг вопросов, направленных на достижение согласия в обществе и расширение сведений для правительственных учреждений о регионе. Так, в вводной части «Наставления» отмечается, что определение главного пристава при калмыцком народе состоялось ходатайством наместника Чучея Тундута «для защиты и охранения польз калмыцкого народа». Согласно инструктивному документу, Страхову предписывалось объявить в присутствии наместника всех владельцев и членов

¹³ О утверждении прав и преимуществ калмыцкому народу присвоенных; о восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от внешних начальства, кроме сей Коллегии независимом // ПСЗ–1. Т. XXVI. № 20.037. СПб., 1830. С. 808–809.

¹⁴ О произведении жалованья определенному к калмыцкому народу Главному приставу и находящимся при нем чиновникам // ПСЗ–1. Т. XXVII. № 20.180. С. 73–74.

Зарго в соответствии «с приличными по тамошнему обыкновению обрядами» о своем назначении и стремлении заслужить их доверенность, проявляя усердие при исполнении своих обязанностей. Следующим шагом, предписанным Коллегией, являлось изучение состояния калмыцкого народа, а также достижение согласия между наместником и владельцами. Документ содержал четкую регламентацию полномочий наместника, заключенные в контроле над подвластным населением, поставке, в случае необходимости, войск и своевременном и беспристрастном разрешении дел в суде Зарго. Наместник наделялся правом письменного обращения лично к императору по вопросам обо всех нуждах калмыцкого народа. В свою очередь категорически не допускалось обременение народа самопроизвольными налогами, захваты и отгон скота и истязания. Для недопущения «несогласия» в среде калмыцких владельцев в случае крайней необходимости Страхову предписывалось просить содействия астраханского военного губернатора¹⁵. А уже в следующем году именным указом, данным Коллегии иностранных дел 26 октября 1803 г., с целью «лучшего устройства в калмыцком народе и большей удобности к прекращению частных их распрей» главный пристав калмыцкого народа и суд Зарго, оставаясь в ведомстве Коллегии, подчинялись астраханскому военному губернатору. Последний обязывался представлять каждые полгода краткие ведомости о состоянии калмыцкого народа¹⁶.

Направляемые И.М. Макаровым в Санкт-Петербург донесения о положении автохтонного кочевого населения степной зоны Предкавказья вызывали озабоченность правительства, что отразилось в переписке министра внутренних дел В.П. Кочубея и главнокомандующего на Кавказе П.Д. Цицианова. Обращая пристальное внимание на устройство южных территорий, В.П. Кочубей в одном из писем отмечает, что «с открытием в тамошнем краю наместничества, благосостояние народов сих приметным образом начало упадать, с тех пор стали делать им различные утеснения, отбирая кочевные места и реки во владение помещиков и под оброчные статьи, наконец, самые приморские берега, заливы и ильмени, где растущий камыш единственное было для них место во время зимы убежище и спасение, под предлогом неудобных мест у них отобраны; оставлена только пустая и безводная степь, в которой с великою трудностью посредством рытья копаней достают нездоровую и горькую

¹⁵ Наставление, данное из Государственной коллегии Иностранных дел Главному калмыцкому приставу коллежскому советнику Страхову // ПСЗ–1. Т. XXVII. Приложения. № 202.55а. С. 1–9.

¹⁶ О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и суда их Зарго Астраханскому Военному Губернатору // ПСЗ–1. Т. XXVII. № 21.011. С. 955.

воду»¹⁷. Модификация традиционной управленческой системы в среде кочевников обусловила изменение порядка их жизнедеятельности, что негативно отразилось на уровне материального благосостояния, за счет сокращения пастбищ и доступа к водным источникам. Единственным выходом из сложившейся ситуации, по мнению имперской администрации, должен был стать учет местных особенностей, что закреплялось на законодательном уровне.

Главный пристав при калмыцком народе Н.И. Страхов, обвиненный в злоупотреблениях по должности, спустя два года после назначения вынужден был покинуть калмыцкую степь. На этом посту в том же году его сменил П.П. Крупинский, чья деятельность, особенно по оспопрививанию в среде кочевников, отмечалась в отношении графа И.В. Гудовича от 29 августа 1806 г. к министру внутренних дел графу В.П. Кочубею. Своего рода пилотным проектом стал Хошеутовский улус, где прибывший в декабре 1805 г. штаб-лекарь Решетников совместно с Арши-гелюнгом, овладевшим знаниями по оспопрививанию, смогли «распространить спасательное средство». По мнению П.П. Крупинского, это могло послужить примером для других владельцев¹⁸.

Согласно императорскому указу, данному Коллегии иностранных дел 21 мая 1806 г., полковник А.И. Ахвердов был определен главным приставом при калмыцком народе, «с поручением сверх того назиданию его кумыков и мирных чеченцев, по ту сторону Терека обитающих». Ранее он проходил службу в должности коменданта Кизляра и шефа Кизлярского гарнизонного полка. Это подтверждает мнение Л.Г. Свечниковой, что приставы назначались из числа русских офицеров, «ознакомившихся с обычаями и характером горцев»¹⁹. Как и при назначении предыдущих кандидатов на должность главного пристава, внешнеполитическое ведомство 14 июля 1806 г. разработало инструкцию для руководства²⁰.

6 июля 1809 г. под управление главного пристава А. И. Ахвердова поступило 836 кибиток тухменцев, вместе с состоящим при них приставом майором Ростовановым²¹. Позднее к ним присоеди-

¹⁷ Отношение гр. Кочубея к кн. Цицианову 15 сентября 1803 г., № 4408 // АКАК. Т. II / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1868. С. 993.

¹⁸ Отношение гр. Гудовича к гр. Кочубею от 29 августа 1806 года, № 15 // АКАК. Т. III / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1868. С. 682–683.

¹⁹ Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.) Ставрополь, 2003. С. 74–75.

²⁰ Инструкция Государственной Коллегии иностранных дел главному приставу при калмыках и мирных чеченцах полковнику Ахвердову, от 14 июля 1806 г. // АКАК. Т. III. С. 678–682.

²¹ Рапорт полк Ахвердова ген. Тормасову от 12 июля 1809 года, № 485. Кизляр // АКАК. Т. IV / Под ред. А. Д. Берже. Тифлис, 1870. С. 913–914.

нились прибывшие с Мангышлака 2300 семей Чавдунова рода, чьи старшины в декабре 1811 г. в Астрахани изъявили о своем желании вступить в российское подданство. Получив монаршее соизволение о совместной их кочевке с единоверцами и родственниками, старшины «по сношению с Главным приставом подполковником Халчинским лично осмотрели те места»²².

Являясь уроженцем Северного Кавказа, имея опыт взаимодействия с разными местными народами и владея несколькими языками, А.И. Ахвердов в 1804 г. составил описание Дагестана²³, а в 1809 г. в рапорте Н.Ф. Ртищеву привел подробное описание ногайцев, указав статистические сведения о численности населения, особенностях хозяйственного уклада и выполняемых повинностях²⁴. Уже спустя менее чем три года после назначения Ахвердова главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане И.В. Гудович направил князю Н. И. Салтыкову ходатайство о награждении его чином генерал-майора, отмечая, что «служа Главным приставом при калмыках, кумыках и мирных чеченцах он управляет ими с 1806 г. похвально с примерным устройством; снисканная им от них доверенность и доброе обращение имеет следствием то, что народы сии прежде беспокойные и коих к исполнению казенных повинностей нередко должно было приводить с принуждением а иногда и экзекуцию, ныне исполняют оные беспрекословно и с послушанием...»²⁵.

Подполковник С. Л. Халчинский (1810–1814 гг.) стал последним главным приставом, под чьей юрисдикцией, кроме калмыков, находились мирные чеченцы и кумыки. Используя собранные им сведения об этих народах, он подготовил и представил в апреле 1811 г. в губернское правление в городе Георгиевске «Краткое описание об образе жизни калмык, тухмен, кумык и чеченцев»²⁶. Сменивший С.Л. Халчинского Я.К. Ваценко (1814–1817 гг.) занимал уже должность главного пристава при калмыцком и тухменском народах, он также составил их описание²⁷.

В соответствии с ранее данными Коллегией иностранных дел инструкциями главные приставы находились в подчинении у главно-

²² Письмо гр. Румянцева к ген. Ртищеву от 6 февраля 1812 года // АКАК. Т. V / Под ред. А.Д. Берге. Тифлис, 1873. С. 883–884.

²³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–22.

²⁴ Описание о народах, под управлением главного пристава н.с. Ахвердова состоящих как-то: караногойцах, джембулуковцах и едиданцах // АКАК. Т. V / Под ред. А.Д. Берге. Тифлис, 1873. С. 877–879.

²⁵ Отношение гр. Гудовича к гр. Салтыкову, от 21 февраля 1809 года, № 26 // АКАК. Т. III. С. 688.

²⁶ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 97. Л. 82–85 об.

²⁷ Там же. Д. 161. Л. 11–24.

командующего в Грузии и на Кавказской линии. При нахождении генерала от инфантерии Н.Ф. Ртищева в Грузии по делам калмыков, как отмечено в указе, возникли некоторые неудобства, особенно при заготовке соли. Так, в 1816 г., спустя более чем десятилетие по причине того, что калмыки являлись единственными солеломцами в губернии, главный пристав по вопросам, связанным с соляной частью, вводился в подчинение астраханского гражданского губернатора, в остальном подчиняясь прежнему начальству²⁸. Данное распоряжение, по мнению генерала А.П. Ермолова, «не могло не дать повода к беспорядкам. Главный пристав, почитая себя более подчиненным Азиатскому Департаменту, уклоняется от повиновения Астраханскому гражданскому губернатору, а сей требует неотложного исполнения его предписаний. Народ калмыцкий в употребляемых им по сему мерах видит ослабление власти главного пристава и теряет к нему уважение ...». Решением проблемы могло стать выведение управления калмыцким народом из-под юрисдикции Коллегии иностранных дел, передача ведомству Министерства внутренних дел с подчинением непосредственно астраханскому гражданскому губернатору²⁹. Открытый конфликт, как следствие законодательно оформленного дуализма, возник между астраханским гражданским губернатором И.И. Поповым и главным приставом А.В. Кахановым.

О назначении Каханова главным приставом в августе 1820 г. ходатайствовал перед К.В. Нессельроде главноуправляющий на Кавказе генерал от инфантерии А.П. Ермолов, отмечая, что «он отличил себя особенною расторопностью и наклонностью к порядку, и вообще имея полезные способности, и деятельность, может в народе закоснелом в беспорядке ввести устройство»³⁰. Процедура назначения начиналась с выдвижения ходатайства о назначении конкретной кандидатуры, которая в дальнейшем, после соблюдения формальных норм, обозначалась в императорском указе. Так, 9 июня 1821 г. император Александр I подписал указ о назначении служащего в Тифлисе полицмейстером надворного советника А.В. Каханова главным приставом при калмыцком и трухмянском народах. Астраханский гражданский губернатор И.И. Попов 28 октября того же года сообщил главному приставу Каханову об уведомлении губернского правления о приведении его к присяге на верность службе и сообщении

²⁸ О подчинении Главного при калмыках пристава Астраханскому гражданскому губернатору // ПСЗ–1. Т. XXXIII. № 26196. 14 марта 1816 г. СПб., 1830. С. 555–556.

²⁹ Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова от 11 декабря 1822 г., № 300 // АКАК. Т. VI / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1869. С. 526–527.

³⁰ Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 3 августа 1820 года // АКАК. Т. VI. Ч. II / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1875. С. 521.

всем присутственным местам по Астраханской губернии, а также владельцам улусов, правителям и старшинам о новом назначении³¹.

Но уже в течение апреля–мая 1823 г. А.П. Ермолов направил четыре рапорта К.В. Нессельроде, в которых обосновывал отстранение от должности А.В. Каханова. Зревшее в калмыцком обществе противостояние между владельцами улусов обострилось в ходе так называемого Зинзилинского собрания, созванного по инициативе властей для кодификации норм обычного права. Главный пристав А.В. Каханов, выступая модератором этого мероприятия, не смог обеспечить консенсуса всех сторон, кроме того войдя в конфликт с гражданским губернатором, тем самым предрешил свою отставку. На основании высочайшего повеления от 12 мая 1828 г. он лишился права занимать какие-либо должности³². И только вследствие просьбы, поданной им в июне 1839 г. на имя главного начальника III Отделения собственной Е.И.В. канцелярии графа А.Х. Бенкендорфа, статус его изменился. Указ императора Николай I от 31 июля 1840 г. восстанавливал его права на службу от короны и по выборам, а также засчитывал в срок действительной службы все время отстранения от нее.

В первой четверти XIX в. имперские власти в поисках эффективной модели управления народами на окраинах продолжали политику их перераспределения в системе приставств. Так, 8 сентября 1822 г. генерал А.П. Ермолов уведомил астраханского гражданского губернатора И. И. Попова «о новом предположении по управлению Кавказской области, народ трухменский по единоверию с ногайцами будет состоять под одним управлением главного пристава кочующих здесь магометан»³³. Соответственно губернаторская канцелярия 9 сентября направила главному приставу при калмыцком и трухменском народах А.В. Каханову предписание о передаче дел по трухменскому народу³⁴ в ведомство бывшего Караногайского и ныне главного пристава магометанских народов, надворного советника П.С. Балуюева³⁵. Активная его деятельность как чиновника Азиатского департамента Коллегии иностранных дел, а в дальнейшем тесное взаимодействие с ногайцами позволили ему собрать подробные сведения о быте, традициях и обычаях этого народа. Практическое

³¹ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 178. Л. 4–4 об.

³² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 7. Д. 517. Л. 8.

³³ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 194. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 1.

³⁵ О принятии дел до калмыков касающихся от секретаря Смирнова, о сдаче трухмянских дел Караногайскому приставу Балуюеву // НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 216. Л. 56.

применение эти материалы нашли при разработке законодательного акта, регулирующего систему управления в Кавказской области, составной частью которого являлся «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области»³⁶.

Таким образом, уже первоначальные мероприятия царского правительства привели к падению жизненного уровня автохтонного населения, что осознавалось и рассматривалось как проблема, которую попытались решить на законодательном уровне путем установления системы управления, учитывавшей местные особенности, но, к сожалению, кадровый вопрос оставался одним из актуальных практически до начала XX в. В июне 1811 г. канцелярия главного начальника войск, расположенных на Кавказской линии и в губерниях Астраханской и Кавказской, Н.Ф. Ртищева по его поручению направила письмо коллежскому советнику М. Д. Скибневскому с просьбой о рекомендации чиновников «более других имеющих способности и желающих быть занятыми по делам с соседственными народами, снискав знание их в языке ...»³⁷. Михаил Данилович Скибневский более десяти лет прослужил в Закавказье, состоял на службе в Коллегии иностранных дел, а в 1810 г. стал автором первой известной в России грамматики арабского языка.

Имперские законодатели в первой четверти XIX в. в рамках реформы управления, в том числе национальными окраинами, разработали «Правила для управления калмыцкого народа»³⁸, 10 марта 1825 г. высочайше утвержденные императором. Данный нормативный правовой акт стал первым в ряду имперского законодательства, посвященного непосредственно организации системы государственного аппарата на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии. В соответствии с «Правилами» была сформирована четырехступенчатая система управления калмыками: главное, областное, окружное, улусное. Во главе иерархической пирамиды власти находилось Главное управление, функции которого принадлежали министру внутренних дел, чье ведомство «надзирает вообще за благосостоянием калмыцкого народа, охраняя права его и пользы...». Инициация передачи дел о калмыках из Азиатского департамента Министерства иностранных дел под юрисдикцию Министерства внутренних дел исходила от командира отдельного Кавказского

³⁶ Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области // ПСЗ–2. Т. II. № 878. 6 февраля 1827 г. С. 145–155.

³⁷ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 13. Д. 47. Л. 1.

³⁸ Правила для управления калмыцкого народа // ПСЗ–1. Т. XL. Ч. 1. СПб., 1830. № 30.290. С. 155–161.

корпуса, генерала от инфантерии А.П. Ермолова, который в своем рапорте министру внутренних дел докладывал о таковой необходимости по причине «неудобств настоящего управления калмыков, кочующих в Астраханской губернии и Кавказской области ...»³⁹. По представлению последнего, т. е. главноуправляющего в Кавказском крае, Главное управление назначало и увольняло главного пристава, а также, что немаловажно, финансировало содержание управленческого аппарата. В связи с многочисленностью калмыцкого народа (25 тыс. кибиток) и обширностью территории их кочевания в помощь главному приставу учреждались должности двух его помощников.

Определение, увольнение и перемещение чиновников калмыцкого управления относилось к компетенции губернатора, но с утверждением главноуправляющим. К власти последнего относилось наблюдение за чиновниками, чтобы «должность свою отправляли в порядке и с успехом». Так, например, 19 июня 1826 г. в соответствии с предписанием главноуправляющего на одну из вакантных должностей помощника главного пристава был определен бывший обер-аудитор 1 Кирасирской пехотной дивизии Буров⁴⁰.

Право внесения предложений по введению изменений в системе управления калмыками принадлежало Комиссии калмыцких дел и губернатору, которые могли внести проекты для «предварительного соображения» главноуправляющему.

Областное управление относилось к специально учрежденной в Астрахани Комиссии калмыцких дел, основной целью которой являлось «введение калмыков постепенным образом в состав общего гражданского управления». Комиссия являлась коллегиальным учреждением, и в ее состав под председательством гражданского губернатора входили вице-губернатор, главный пристав при калмыках, губернский прокурор, один депутат со стороны владельцев, другой — духовенства.

Для производства дел при Комиссии учреждались должности секретаря, переводчиков, писцов и толмачей. Общий штат по управлению калмыцким народом приведен в таблице 1 с указанием размера годового жалованья. Авторы фундаментального исследования по истории Калмыкии «Очерки истории Калмыцкой АССР» отмечают, что «Правила 1825 г. усилили роль правительства в управлении калмыками, которое на две трети было составлено из царских чиновников ...»⁴¹.

³⁹ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 159.

⁴⁰ ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 41258. Л. 1.

⁴¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 243.

Штат чиновников по управлению калмыцким народом⁴²

	Рубли
Главному приставу жалованья	1200
Столовых	1200
На наем квартиры	500
На канцелярский расход	200
На пересылку дел	300
Двум помощникам Главного пристава по 800 руб.	1600
Канцелярия Главного пристава	
Секретарю	450
Переводчику	400
Трем писцам по 200 руб.	600
Двум толмачам по 100 руб.	200
Частным приставам в Калмыцких улусах: шести по 350 руб. и одному 450 руб.	2550
Переводчику калмыцкого языка в Канцелярии Министерства внутренних дел	1500
В Астраханском Калмыцком училище	
Учителю Российской Грамматики	500
Учителю Калмыцкого языка	500
Шести ученикам, каждому по 300 руб.	1800
Итого:	13 500

Необходимо добавить, что уже спустя три года главный пристав калмыцкого народа подполковник И.А. Захаревич направил первый рапорт от 25 октября 1828 г. в Министерство внутренних дел о затруднениях, связанных с крайним недостатком чиновников по калмыцкому управлению. Второй его рапорт датируется 12 июля 1829 г., а в декабре этого же года Астраханская Комиссия калмыцких дел обращается с донесением, указывая, что основная причина дефицита кадров заключается в небольшом размере жалованья, определенном «Правилами» 1825 г.

25 января 1830 г. Министерство внутренних дел, сообщив о поставленной региональными властями проблеме главнокомандующему на Кавказе, предложило продумать временные меры для

⁴² Штат чиновникам по управлению калмыцким народом // ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. СПб., 1830. С. 216.

решения указанной проблемы, так как оно не может принять каких-либо решений до утверждения проекта о реорганизации управления калмыцким народом. В декабре 1830 г. генерал-фельдмаршал, граф И.Ф. Паскевич предложил управляющему Министерством внутренних дел определить в канцелярию главного пристава способных чиновников, с производством им жалованья из свободных окладов помощника главного пристава, учителя российской грамматики и одного ученика, в размере 1600 руб.

Мнение И.Ф. Паскевича было принято во внимание, так как выход из положения путем использования всех остатков от неполного комплекта штатных чиновников не обременял государственную казну, и 14 февраля 1831 г. получило высочайшее утверждение⁴³. Между тем для главного пристава, на наш взгляд, оно не стало эффективным решением, проблема дефицита квалифицированных чиновников, способных и желающих проживать в условиях отсутствия комфорта на региональной окраине, на протяжении всего столетия сохранялась.

Несмотря на нехватку кадров, в соответствии с «Правилами» Комиссия наделялась рядом полномочий широкого спектра от контрольно-надзорных и исполнительно-распорядительных до судебно-апелляционных. При этом по своей природе Комиссия калмыцких дел еще и обладала элементами сословно-представительного органа.

Проведение заседаний Комиссии предусматривалось, за исключением чрезвычайных случаев, обязательно один раз в неделю с указанием председателем места и времени.

Главный пристав, являясь высшим должностным лицом, вносил в пределы своей компетенции на рассмотрение Комиссии записки со своим мнением по делам, требующим разрешения. Эти записки регистрировались в особом входящем журнале и вносились в повестку заседания Комиссии, протокол которой с отметкой о решении считался актом действия. При голосовании голос губернатора считался решающим по исполнительным делам, кроме тяжёбных и уголовных. Копия протокола направлялась в Министерство внутренних дел. В случае отсутствия главного пристава его обязанности исполняли помощники.

Ежемесячно главный пристав представлял отчет по всем принятым решениям в Министерство внутренних дел. Независимо от этой отчетности ему вменялось в обязанность информировать главного управляющего обо всех чрезвычайных случаях, требующих особого разрешения или внимания.

⁴³ Положение Комитета Министров об усилении канцелярии Главного пристава калмыцкого управления // ПСЗ–2. Т. VI. Ч. 1. СПб., 1832. № 4353. С. 159–160.

Главному приставу калмыцкого народа вменялось в обязанность один раз в год «непременно обозревать все калмыцкие кочевья». Результаты командировки доводились им до сведения Комиссии. Законодателем в «Правилах» была предусмотрена система сдержек и противовесов. Так, например, губернатор по согласованию с главноуправляющим мог дополнительно отправить чиновника особых поручений «для удостоверения, не происходит ли каких-либо важных беспорядков или притеснений народу, кои могут быть или не досмотрены главным приставом, или же представлены в противном виде». Кроме того, сам гражданский губернатор имел право осуществить своего рода ревизионную поездку по калмыцким кочевьям.

Особое предназначение Комиссии заключалось в изучении древнего калмыцкого законодательства и приведении его, предварительно согласовав с владельцами улусов и лучшими представителями духовенства, в соответствие к «общим правам, дополняя недостаток или неудобство из законов российских».

Правительство нуждалось в точных сведениях о народонаселении региона, в связи с чем Комиссии вменялось в обязанность составление списков всех привилегированных лиц, нойонов, зайсангов и высшего духовенства, по родам. В отношении податного населения, не проводя переписи или ревизии, необходимо было уточнить сведения о количестве кибиток в каждом улусе и в управлении каждого зайсанга. Кроме того, постепенно коллегиальный орган управления должен был обладать всей информацией о сословной структуре и внутри коммуникационных связях в среде калмыков, особенно их экономической составляющей и роли духовенства.

Высшим органом окружного управления выступал суд Зарго, местопребывание которого определялось Комиссией в зависимости от времени года, максимально приближенно к кочевьям калмыков.

Суд Зарго состоял из восьми членов: двух от духовенства и шести от каждого улуса из числа владельцев и зайсангов, избираемых сроком на три года, кандидатуры которых утверждались Комиссией. В соответствии с «Правилами» сформированный орган управления попадал под надзор одного из помощников главного пристава, приставленного «для наблюдения за успешным и порядочным отправлением дел». Кроме того, с целью ведения делопроизводственной документации из штата главного пристава назначался один переводчик с учеником калмыцкого языка.

К компетенции суда Зарго, являвшегося высшей апелляционной инстанцией в Калмыцкой степи, относилось рассмотрение гражданских дел трех категорий: 1) гражданские дела, стоимость иска

которых составляла не менее 200 и не свыше 400 руб.; 2) преступления, связанные с кражей имущества и мошенничеством на сумму не свыше 400 руб. и совершенные одним и тем же лицом не более трех раз, а также по отлучкам или самовольным переходам калмыков от одного владельца к другому; 3) жалобы по личным имущественным и неимущественным отношениям зайсангов.

Судопроизводство осуществлялось на основе норм обычного калмыцкого права. При недостатке имевшихся в древних законоположениях правовых норм допускалось использование положений Устава 1822 г.

Уголовные дела остались вне пределов компетенции суда Зарго. При этом разработчиками «Правил» к уголовным преступлениям были отнесены: измена; неповиновение власти; возмущение; побег за границу со злым намерением и связи со злодеями; смертоубийство; грабеж, насилие и подвод злодеев; делание ложной монеты; воровство свыше трех раз (§ 37).

Входя в состав суда Зарго, представители буддийского духовенства лишались законодателем права участия в слушаниях по гражданским делам за исключением дел, касающихся до веры, правоотношения в сфере семейного права. Кроме того, они могли привлекаться в случаях, связанных с недостатком доказательств и улик, при необходимости убеждения по совести и если имелась общая связь с духовными делами.

В § 40 обосновывается необходимость нижней инстанции в иерархии власти в лице улусного управления, призванного обеспечить «облегчение в действиях суда Зарго и доставления ближайшей удобности калмыцкому народу получать в маловажных делах своих скорее решение».

В каждом улусе, в казенных при правителе, во владельческих при кочевье старшего из владельцев, определялся частный пристав. Отдельно учреждалась должность частного пристава при Калмыцком базаре в Астрахани. При частном приставе предусматривалась должность толмача, а для посылок — казаки. Законодатель не наделил частного пристава существенными полномочиями, кроме охраны правопорядка, для чего он мог заключать подозреваемых под стражу, проводить расследование, но в присутствии владельца или зайсанга, отсылать дело с виновным в ближайшие присутственные места. Между тем его основная функция заключалась в сборе информации о нойонах, зайсангах и духовенстве, количестве кибиток и семейств калмыков-простолюдинов, состоящих под управлением зайсангов, и местах их кочевков. Особое внимание с его стороны должно быть проявлено к системе налогообложения и исполнения государствен-

ных повинностей. О полученных им сведениях, по происходившим событиям докладывать главному приставу и Комиссии.

19 февраля 1827 г. управляющий Министерством внутренних дел на заседании Комитета министров представил записку об определении частного пристава при калмыках разных улусов, проживавших в разливах, образуемых устьем Волги. Предложения главного пристава при калмыцком народе 1 марта того же года получили императорское утверждение с внесением дополнений в штат должности частного пристава при мочагах Каспийского моря с жалованьем 700 руб., толмача, также исправляющего обязанности писаря в 400 руб. и единовременного выделения 250 руб. с целью постройки лодки для разъездов чиновника. Для его квартирования и казаков на улусы возлагалась ежегодная обязанность по предоставлению четырех кибиток⁴⁴.

Функциональная нагрузка введенных «Правилами» должностных лиц и учреждений по управлению калмыцким народом в первой четверти XIX в. характеризует имперскую политику в регионе в рассматриваемый период как осторожную, направленную на познание народа, территории его проживания, традиций и обычаев. Такие тактика и стратегия описаны американским антропологом, исследователем британского колониализма Б. Коном на примере англичан, которые, вторгшись в Индию, столкнулись с несоответствием условий этого пространства со своими, знакомыми условиями. Ими был разработан метод изучения новой территории. Процедура включала сбор соответствующих знаний, их упорядочение и классификацию, завершаясь преобразованием в пригодные для использования формы, такие как статистические отчеты, исторические справочники, юридические кодексы и энциклопедии. Полученные знания обусловили эффективность управления⁴⁵. Несмотря на более чем двухвековое пребывание калмыков в подданстве русских государей сведения о них были весьма отрывочными и требовали совершения постепенных шагов для достижения их полной интеграции в общее имперское пространство.

Если имперские чиновники осуществляли надзор, то внутреннее управление калмыками возлагалось на владельцев и правителей, наблюдавших за порядком, пресекавших все разногласия как между простолюдинами, так и зайсангами. В октябре 1828 г. главноуправ-

⁴⁴ Об определении частного пристава при калмыках, от улусов их отделившихся // ПСЗ–2. Т. II. № 936. СПб., 1830. С. 217–219.

⁴⁵ Cohn B. Colonialism and its forms of knowledge: The British in India. Princeton, 1996. P. 4–5.

ляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской областях А.П. Ермолов в связи с возникшим конфликтом между правителями дербетовских улусов, признавая бессилие имперской администрации в рамках действующего законодательства, писал: «Главное местное управление калмыками всех улусов сосредоточено в Астрахани, не может действовать на обуздание сих беспорядков в кочевьях калмыков, отдаленных на 500 и более верст от Астрахани, пристава же частные и главные быв ограничены в средствах употреблять при подобных случаях силу, остаются токмо зрителями сих неурядиц»⁴⁶.

Разбор частных дел между калмыками, а также между калмыками и не калмыками рассматривались улусными судьями, избираемыми сроком на один год из числа зайсангов и почетных людей. Данная судебная инстанция имела всесословный характер и окончательно рассматривала дела, если размер иска не превышал 200 руб.; если стороны достигали консенсуса и если в течение года после вынесения решения не будет подана жалоба в суд Зарго. В противных случаях жалоба могла быть подана в течение года по калмыцким обрядам и не на гербовой бумаге.

Преступления, оговоренные в § 37 «Правил», не относились к компетенции улусных судов, рассматривавших на основе норм обычного права только незначительные правонарушения, в том числе кражу скота, при ущербе не свыше 200 руб. включительно, и совершенные не более трех раз, с ведома владельца, или правителя и частного пристава.

10 июля 1826 г. в Астрахани в присутствии вице-губернатора, губернского прокурора и главного пристава калмыцкого народа была проведена процедура выборов членов Комиссии по одному от калмыцких владельцев улусов и духовенства. В ходе голосования из пяти владельцев по большинству шаров был избран депутатом в Комиссию на три года дербетовский владелец, капитан Джамбо тайши Тундутов, кандидатом к нему — брат владельца Хошеутовского улуса, полковника Серебджаба Тюменя, Церен Дондок. Из числа духовенства депутатом стал лама Икицохуровского улуса Генин Цембель.

26 июля 1826 г. в зале Казенной палаты Астрахани состоялось торжественное открытие Комиссии калмыцких дел, о чем в своем рапорте сообщал гражданский губернатор А.С. Осипов генералу А.П. Ермолову. В церемонии приняли участие «Вице-губернатор, со-

⁴⁶ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 239. Л. 2.

ветник Казенной Палаты, коллежский ассессор Караулов, губернский прокурор, коллежский советник Сучков, главный пристав калмыцкого народа, надворный советник Карсаков, депутаты от калмыцкого народа: Владелец Дербетовского улуса, капитан, имеющий золотую саблю с надписью “За храбрость” Джабмо Тайши Тундутов и Лама Генин Цембель. С сим вместе прибыли несколько членов из владельческих семейств, почетные зайсанги и гелюнги. Сверх сего воинские и гражданские чиновники, почетные города граждане и некоторые почетные же лица из пребывающих в Астрахани инородцев армян, татар, персиян и индейцев и проч.»⁴⁷. Церемония открытия началась с молебнов, совершенных сначала протоиереем астраханского кафедрального собора, а затем калмыцким ламой. По завершении молебнов председатель Комиссии калмыцких дел и ее члены заняли свои места вокруг стола, накрытого желтым сукном («во вкусе калмыцком»), а остальные присутствующие — на расставленных в зале в несколько рядов креслах. В это время в исполнении музыкантов играла музыка. Как только все участники торжества расположились в зале, был зачитан императорский указ об утверждении Правил для управления калмыцким народом и об учреждении Комиссии. Главный при калмыцком народе пристав П. Карсаков, выступив с речью, отметил «великую пользу, дарованную в Бозе почивающим Государем императором Александром Первым калмыцкому народу настоящею переменою управления»⁴⁸. Это выступление было повторено переводчиком при гражданском губернаторе на калмыцком языке. Обсуждения выступлений завершились принятием решения начать работу Комиссии в 6.00 час. 27 июля. По окончании торжественной части ее участники были приглашены на завтрак к губернатору.

Таким образом, институт приставства учреждался властями для введения окраинных территорий империи в общероссийское социально-экономическое и политико-правовое пространство как временный инструмент. На протяжении первой четверти XIX в. он неоднократно подвергался изменениям, в ходе которых вводились и выводились из-под его юрисдикции разные народы. Являясь переходной формой имперской администрации в инородческой среде, приставство первоначально было призвано обеспечить для центральных властей восполнение информационного вакуума, преодоление языкового барьера и создание общих правил взаимодействия в имперских коммуникациях. В последующем посредством данно-

⁴⁷ НАРК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 83 об.

⁴⁸ Там же. Л. 85.

го института транслировались цели и задачи имперской политики в регионе, одновременно преодолевая экономическую замкнутость периферийных обществ. В этом многокомпонентном процессе немаловажное значение имела личность имперского чиновника, прежде всего главного пристава, который выполнял посредническую роль, продиктованную не только природой должности, но и теми условиями, в которых он пребывал. Своей службой чиновники должны были обеспечить эффективный коммуникативный канал, одновременно соответствующий принципам политики России в отношении инородческих окраин и не ущемлявший привилегированное положение местной элиты. Но, к сожалению, не всегда они могли соответствовать тем социальным нормам, которые к ним предъявлялись. По утверждению С.С. Белоусова, главные приставы долго на своих постах не задерживались. С 1801 г. и до 10 марта 1825 г. сменилось 9 человек, средний срок службы которых не превышал 2,5 года⁴⁹.

Проблема отсутствия квалифицированных кадров стала основной темой доклада астраханского губернатора, генерал-майора И.С. Тимирязева, который при вступлении в должность посетил Калмыцкую степь. 21 июня 1834 г. он направил рапорт министру внутренних дел, сообщая, что нашел «калмыцкое управление в самом расстроенном положении касательно производства дел», и ходатайствовал об увеличении штата чиновников и назначении им «приличного содержания»⁵⁰. Предложения вновь назначенного чиновника нашли отклик в министерстве, так как они «без сомнения могли бы содействовать к устройству калмыцкого управления». Однако именно в этот момент, как пишет министр Д.Н. Блудов в своем предписании на имя И.С. Тимирязева, им был направлен на рассмотрение в Государственный совет проект калмыцкого положения, и «поэтому необходимо подождать, а до того времени приискать способных и благонадежных чиновников, и если кто из чинов изъявит желание служить по калмыцкому управлению, то в то же время определить туда в приличную должность»⁵¹.

Несмотря на отдельные проблемы, возникавшие в ходе взаимодействия чиновников с местным населением, приставства стали формой, позволившей создать условия, по мнению А.И. Миллера, «для перехода от политики непрямого правления, основанной на

⁴⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 486.

⁵⁰ НАРК. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 98. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 3.

признании широкой автономии традиционных элит окраин, к политике более централизованной, опирающейся на современную бюрократию»⁵². Реализовав поставленные задачи посредством представительства в среде кочевых инородцев, правительство переходит к следующему этапу — попечительству.

References

Abazov A.Kh., Nakhushcheva I.R. *Pristavskiye upravleniya na Severnom Kavkaze v posledney treti XVIII — pervoy polovine XIX veka: evolyutsiya deyatelnosti* [Pristav Administrations in the North Caucasus in the Last Third of the 18th and First Half of the 20th Century: Activity Evolution] // *Nauchnyy dialog*. 2020. N 8. P. 278–300.

Bliyeva Z.M. *Stanovleniye rossiyskogo byurokraticheskogo apparata na Kavkaze v kontse XVIII — pervoy treti XIX vv.* [Formation of the Russian Bureaucratic Apparatus in the Caucasus in the Late 18th and the First Third of the 19th Centuries]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova, 2001. 284 p.

Cohn B. *Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India*. Princeton: Princeton University Press, 1996. 191 p.

Eisenstadt Sh. *Struktura otnosheniy tsentra i periferii v imperskikh i impersko-feodal'nykh rezhimakh* [The Structure of Relations between the Center and Periphery in Imperial and Imperial-Feudal Regimes] // *Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy. Khrestomatiya* [Comparative Study of Civilizations. An Anthology]. Moscow: Aspekt Press, 1999. P. 176–179.

Goryayev M.S., Komandzhayev A.N. *Organizatsiya upravleniya kalmytskim narodom posle uprazhneniya Kalmytskogo khanstva (1771–1825 gg.)* [Organization of Administration of the Kalmyk People after the Abolition of the Kalmyk Khanate (1771–1825)] // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Istoriya. Politologiya*. 2012. N 7 (126). P. 114–124.

Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p.

Izbasarova G.B., Lyubichankovskiy S.V. *Pristavstva na okrainakh Rossiyskoy imperii v XVII — pervoy polovine XIX v.: ot administrativnogo litsa k sisteme upravleniya* [Pristavstvos on the Outskirts of the Russian Empire from the 17th through the First Half of the 19th Century: From the Administrative Person to the Administrative System] // *Rossiyskaya istoriya*. 2018. N 2. P. 13–21.

Khodarkovskiy M. *Stepnyye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya, 1500–1800* [Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 352 p.

Kidirniyazov D.S. *Pervyye administrativnyye reformy rossiyskikh vlastey na Severnom Kavkaze v kontse XVIII — 20-ye gg. XIX vv.* [The First Administrative Reforms of the Russian Authorities in the North Caucasus from the Late 18th to the 1820s] // *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 2014. N 2 (38). P. 18–32.

⁵² Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 213.

Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. Essays on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 320 p.

Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period [Essays on the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October Period]. Moscow: Nauka, 1967. 479 p.

Sartori P., Shablei P. *Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazakhskoy stepi* [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 280 p.

Svechnikova L.G. *Obychay v pravovoy sisteme (na materialakh pravovogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v XIX v.)* [Custom in the Legal System (according to the Materials of Legal Development of the Peoples of the North Caucasus in the 19th Century)] Stavropol': AGRUS, 2003. 231 p.

Поступила в редакцию
21 мая 2023 г.